

Мой прадед Тимофеев Иван Данилович, уходя на войну, поцеловал детей (у него было три сына) и пообещал скоро вернуться. Обещание не сдержал – погиб в первые дни войны. Старшему сыну Степану было в то время шестнадцать лет, красивый был парень, рослый не по годам. Засобирился он отомстить фашистам за отца. Мать поплакала, но отговаривать не стала, знала, что характер у него, как у отца.

Собрала в котомку сала, хлеба да крынку с медом. До ближайшей станции пешком часов шесть идти, поэтому встали рано утром, по росе пошли провожать брата с врагом воевать. Не могли понять тогда Гоша и Витька, почему плачет мать, почему в глазах боль, почему побелели виски. Они бодро шагали рядом со старшим братом, и гордость переполняла их сердца, им тоже хотелось на войну фашистов бить. Они наперебой спрашивали Степана, дадут ли ему настоящую винтовку, сколько у него будет медалей и покатается ли он на настоящем танке. Потом долго рассказывали соседским ребятишкам, какой у них брат герой.

Мать надеялась, что в военкомате разберутся и отправят сына домой, ведь шестнадцатилетних не брали на фронт, но шло время, а Степан не возвращался, видно приписал себе годик-другой. Шел второй год войны, урожай удался хороший и, несмотря на то, что отправляли большую часть на фронт, себе тоже оставалось, в общем, не

голодали. Каждый день ходили в клуб – узнать последние сводки да посмотреть на карте, где уже фашисты. Карту принесли из школы и ежедневно отмечали на ней, где идут бои. Карта была маленькая, но и на ней было видно, что война идет далеко от здешних мест. Здесь не было слышно разрывов снарядов, гула танков или авиации, но с каждым годом дыхание войны становилось все ощутимее. Даже в неурожайные годы отправляли на фронт все до последнего зернышка, понимали ради чего. От голода спасал лес, где еще можно было найти что-нибудь съестное.

В деревне остались только старики, женщины да малые дети. А когда в райцентр эвакуировали завод по производству патронов, все, кто мог стоять у станка, стали работать на этом заводе. Домой возвращались редко, работали круглосуточно, спали по два-три часа прямо у станков. Младшему Витьке было тогда всего четыре года. Сам у станка он не работал, но помогал матери. Свободного времени было совсем не много, но дети находили время для игры. А игра была одна – в войну и заканчивалась она всегда победой над фашистами. Витя был маленьким, худеньким, но с характером. Он никогда не плакал, потому его уважали и разрешали быть в игре командиром «красной армии». Он заплакал только однажды, когда сдохла их корова Ночка. Она давала мало молока, но те полстакана, которые доставались Вите, были самым вкусным и единственным лакомством.

От брата писем больше не было, но сосед дядя Федя, демобилизованный из-за ранения, рассказывал, что видел Степана в добром здравии, но поговорить с ним не успел. Передал Степан с дядей Федей открытку, что нашлась в кармане. На открытке – лицо симпатичной девушки – литовки в шляпке, а с обратной стороны что-то написано на иностранном языке. Поверх этой записи черным карандашом Степан написал большими буквами, БРАТУ ВИТЬКЕ, наверно, любил младшего больше всех.

Война так и не дошла до этих мест. Отпраздновав победу, стали ждать возвращения родных с войны. Ждали даже тех, на кого получили похоронки, надеялись на чудо. Витя ждал брата с нетерпением, но время шло, а Степан не возвращался. Маленький Витя не знал, что ещё в марте 1945 года мать получила извещение, что его брат пропал без вести. Долгие годы родные надеялись на возвращение Степана.

Маленький Витя вырос – это мой дедушка. Только несколько лет назад мы, послав запрос в главный военный архив, узнали, что Тимофеев Степан Иванович погиб в боях за Литву. Теперь я понимаю, почему в семейном альбоме на самой первой странице

улыбается с пожелтевшей открытки девочка-литовка.

Зелёнк@